

Russkij jazyk pervogo i vtorogo pokolenija emigrantov, zhivuschix v SShA

Citation

Polinsky, Maria. 2010. "РУССКИЙ ЯЗЫК ПЕРВОГО И ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ ЭМИГРАНТОВ, ЖИВУЩИХ В США." *Slavica Helsingiensia* 40: 336-352.

Permanent link

<http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:35059945>

Terms of Use

This article was downloaded from Harvard University's DASH repository, and is made available under the terms and conditions applicable to Open Access Policy Articles, as set forth at <http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:dash.current.terms-of-use#OAP>

Share Your Story

The Harvard community has made this article openly available.
Please share how this access benefits you. [Submit a story](#).

[Accessibility](#)

М.С. Полинская

**РУССКИЙ ЯЗЫК ПЕРВОГО И ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ ЭМИГРАНТОВ,
ЖИВУЩИХ В США***

This paper documents and analyzes the language spoken by Russian immigrants in the USA in the early twenty-first century. The main distinction is between first- and second-generation speakers; the former arrived in the USA as adults, while the latter either arrived as very young children (roughly, before the age of five) or were born in the United States. The language of the first generation shows typical lexical changes observed in immigrant languages: lexical borrowings (including the borrowing of verbs, which serves as a sign of intense language contact), calquing, semantic blending, etc. In addition, first-generation immigrants also show some changes in word order and pronominal use. The language of the second generation, those who are considered *heritage speakers of Russian*, shows a greater influence of English and much stronger structural change. Of late, Russian heritage speakers have been increasingly interested in re-learning their language during their college years, and the paper suggests that such re-learning efforts should be enhanced. Despite their deficiencies, heritage speakers of Russian have significant advantages over second language learners of Russian, and it is important to build on those advantages in developing Russian language programs for Russians.

Вместо введения

По переписи 2000 г., в США живет 710 тысяч выходцев из России – кем бы они ни были в советских паспортах, в Америке они превращаются в «русских» (Russians). Русский язык входит в первую десятку самых распространенных языков США за вычетом английского, и число носителей русского языка в США, по данным последних переписей, стабильно растет (Potowski 2010, Kagan & Dillon 2010). Этот рост – следствие значительного притока русскоязычного населения, покинувшего СССР в 1970-е и 1980-е гг., и волны недавних иммигрантов из России и СНГ, появившейся в постсоветский период. И хотя русские на территории Америки появились еще в XVIII веке и прибывали разными волнами на протяжении XX века, потомки этих старых эмигрантов в большинстве своем говорят по-английски, а поэтому представляют лишь исторический интерес с точки зрения русского языка зарубежья, и мы не будем на них останавливаться.¹

Русские эмигранты широко представлены в больших городах США: в Нью-Йорке с его знаменитым районом Брайтон Бич, давно превратившимся в пародию на Россию брежневских времен, Филадельфии, Бостоне, Чикаго, Лос-Анжелесе, Сан-Франциско, Хьюстоне (Andrews 1999). Уже в первой половине XX в. в США было немало русских печатных изданий (Whittaker 2006), в 1980 гг. их число выросло, но с распространением интернета оно постепенно снижается – явление, впрочем, не уникальное для русского

¹ Небольшие группы, сохранявшие русский язык на протяжении десятилетий и передававшие его из поколения в поколение, – староверы и молокане на западном побережье США, а также русские на Аляске. Эти группы русских, как правило, двуязычны (английский и русский), но пользуются русским больше в религиозной, чем в бытовой сфере (см. сборник под редакцией Кюльмоя, работы Касаткиных, Никитиной, Кононовой, а также Головки в печати, Кибрик 1998, Biggins 1985, Friedberg 2008, Golovko 2010a, b; Holdeman 2002, Morris 1992).

языка. Существует несколько больших каналов телевидения и радиостанций: Русский мир, РТР-Планета, RTVi, NTV America, Первый канал; Davidzon Radio (Нью-Йорк), New Life Radio (Чикаго), а также транслируются передачи из России и Израиля. Точных данных о том, кто все это читает и смотрит, нет, но судя по опросам русскоязычного населения, основные потребители русских СМИ – люди среднего и пожилого возраста; последних в американском русском принято называть *сеньорами* (от англ. *seniors*). Молодое поколение читает в основном по-английски.²

Внимание, которое мы будем уделять наиболее «свежим» выходцам из России и СНГ, объясняется очень просто: именно эти люди, относительно недавно уехавшие из языковой метрополии, еще говорят по-русски. Конечно, и среди потомков более ранних иммигрантов есть люди, сохранившие русский язык (Земская 2001), но они скорее исключение, чем правило.

Основная масса эмигрантов, переселившихся из России в США в 1970 – 80 гг., была представлена евреями, которые получили возможность эмигрировать (формально лишь в Израиль) благодаря советско-американским соглашениям времен заката холодной войны. Эти люди уже в СССР были глубоко ассимилированы, их родной язык в подавляющем большинстве русский, а связанная с ним культура отражала и отражает русско-советский стандарт. (До сих пор нет точных данных, какое количество неевреев на самом деле сумело выехать под флагом еврейской эмиграции, либо через смешанные браки, либо посредством поиска каких-то фиктивных еврейских предков, но можно предполагать, что таких было немало.) В перечне «волн» русской эмиграции в США в XX веке эти переселенцы представляют так называемую *третью и четвертую волны* (Andrews 1993а, 1999; Пфандль 1994), а постсоветских эмигрантов можно, вероятно, считать *пятой волной* (отсчет этих волн ведется с начала XX века). Отличие последней волны, которая строго говоря, еще продолжается, от всех предыдущих в том, что постсоветские переселенцы не должны были уезжать навсегда, без возможности возвращения в Россию. Кроме того, с падением железного занавеса, распадом СССР и распространением интернета, возможность быть в курсе событий бывшей родины стала гораздо более доступной, а знания об Америке – более адекватными, нежели у эмигрантов предшествующих волн, уезжавших, как казалось, в никуда и в навсегда.

Это различие между третьей/четвертой и пятой волнами, вероятно, сыграет свою роль и в сохранении русского языка. Эмигранты третьей/четвертой волны не собирались возвращаться в Россию, и для них сохранение русского языка имело скорее сентиментально-ностальгическое, чем практическое значение. Постсоветские эмигранты зачастую оставляют за собой возможность вернуться в Россию или жить на два дома, а потому для них русский язык остается более реальной языковой необходимостью, а не просто истлевшей открыткой в альбоме памяти. Хотя мотивационное различие между волнами вполне реально и может дать свои плоды, в 2011 г., когда пишутся эти строки, судить о его результатах еще рано, и поэтому мы будем рассматривать все три волны как одно большое образование.³

При описании русского языка более недавних переселенцев из России в США для нас будет наиболее существенным различие между эмигрантами первого и второго поколения, т.е. между теми, кто приехал в Америку во взрослом возрасте, и теми эмигрантами, что приехали детьми или родились в русских семьях в США. Как будет видно

² Более подробно о социальном и демографическом составе русскоговорящего населения США см. Polinsky 2000, Kagan & Dillon 2010.

³ Еще одним соображением в пользу такой нерасчлененности является демографический дисбаланс: эмигрантов третьей и четвертой волн гораздо больше, в силу времени они более интегрированы в экономическую жизнь США, а потому могут задавать и языковой, и культурный тон, которому пятая волна должна хотя бы отчасти вторить.

из последующего изложения, эти два поколения говорят в достаточной степени «на разных языках».

Русский язык первого поколения

Термин «американский русский» был впервые предложен Муртоном Бенсоном (Benson 1960) для языка первого поколения эмигрантов, живущих в Америке; Бенсон же одним из первых указал на существенную разнородность русскоязычного населения Америки – от пуристов, застывших на той стилистической ноте, на которой они уехали из России, до оппортунистов, легкомысленно и неблагочестиво смешивающих русский с английским в тех количествах, что им удобны.

Если отвлечься от пуристов, которые всегда в меньшинстве и в метрополии, и в эмиграции, нельзя не заметить, что язык эмигрантов первого поколения – людей, приехавших в Америку во взрослом возрасте, – все же меняется. В него проникают просторечные выражения и бесчисленные региональные формы, в нем активно смешиваются стили и стираются, сильнее, чем в метрополии, сословные различия. В нем может возникнуть и подчас возникает новая норма, отличная от нормы в метрополии; в США эта норма в 1970 – 1990 гг. явно ориентировалась на южные варианты русского языка, так как до недавнего времени носителей этих вариантов было больше, чем носителей нормативного русского языка (Andrews 1994, 1999, 2006).

Как это типично для многих эмигрантских групп, имеются слова, которые служат своеобразными маркерами адаптации в новом обществе; одним из таких слов является *но* (произносимое как [n^o]) вместо *нет*, а также употребление слов *паунд* (вместо *фунт*), *эрия* (от англ. *area*, вместо *район*) и некоторых других (см. Polinsky 2000, 2006), и наконец характерный интонационный контур (интонация подъема) в декларативных предложениях американского русского (Andrews 1993b; Polinsky 2000).

Лексические заимствования в языке эмигрантов неизбежны, и их описание – дело нелегкое: их трудно предсказывать, хоть сколько-нибудь интересным образом систематизировать или сравнивать с языком метрополии. Остается лишь ограничиваться довольно банальными наблюдениями, что язык заимствует новые слова, отражающие новые или несхожие понятия. Однако русский язык постсоветской эпохи предоставляет нам возможность сделать сравнение с языком эмигрантов чуть более интересным. Дело в том, что в силу мощных социальных катаклизмов постсоветской эпохи русский язык метрополии тоже претерпевает очень сильные и быстрые изменения и так же, как американский русский, находится под сильным влиянием английского (Кронгауз 2008; Левонтина 2010). Редкая в истории возможность для языка эмигрантов и языка метрополии сохранить заветное сходство, несмотря на разделяющий их океан? Нет, – скорее, редкая в истории языкознания возможность показать, что лексические переносы довольно случайны.

Да, конечно, оба варианта русского, и русский в метрополии, и американский русский, заимствуют английские слова одинаковым образом, и вот уже *больница* становится *госпиталем* и в Москве, и в Чикаго, *список* превращается в *лист* по обе стороны Атлантики, а слово *гаджет* звучит в магазинах техники и гуляет по *блогам* независимо от их национальности. Но вместе с совпадениями есть и много различий. Во-первых, американский русский заимствует из английского исключительно фонетически, по произношению, в то время как русский в России до недавнего времени заимствовал по написанию, отсюда такие дублеты, как *Харвард* и *Гарвард*, *Юсиэлэй* и *УКЛА* (UCLA), *Эсэйти* и *САТ* (SAT), *калидж* и *колледж* и др. Во-вторых, русский язык в метрополии охотно заимствует и из британского, и из американского английского, отсюда встречающиеся в метрополии *карпарк* или *флэт*, известные американскому русскому только как *паркинлот* (parking lot) и *апартамент* (apartment). В результате американский

русский и русский в метрополии вполне подтверждают знаменитую фразу Оскара Уайльда о том, что британский и американский английский совершенно различны ('We have really everything in common with America nowadays except, of course, language...').⁴ Чтобы показать интересные различия между русским языком метрополии и американским русским в отношении заимствований из английского, сравним два ряда объявлений – о косметических услугах и о продаже автомобилей. В обоих случаях читатель может легко убедиться в том, что различий больше, чем сходств.

(1) Предложения косметических услуг

Русский язык в метрополии	Американский русский
Подтяжка шеи Лифтинг шеи Механическая чистка лица Брашинг или Броссаж Мануальная чистка лица Ручная чистка лица http://www.kleos.ru/org/6138/ (accessed 1/29/11)	РАЗГЛАЖИВАНИЕ МОРЩИН И НОВОЕ ЛИЦО-НАЛИЦО!!! Без уколов, лазера и других болезненных процедур вы сможете помолодеть и подтянуть овал и носогубные области своего лица !!! А также омоложение шеи и декольте!!! Никакой предоплаты!!! Очень приемлемые цены для всех после консультации. Лифтинг!!! Фейшиалз!!! http://mall.rusrek.com/index.php?page=search&search=AND&cid=360903&rid=263&hw_region_id=263&lang= (accessed 1/29/11)

(2) Продажа автомобилей

Русский язык в метрополии	Американский русский
Ниссан Альмера 2005 г.в. цвет бордовый, 76000 км. пробег, машина в отличном состоянии, сборка Великобритания, двигатель 1,8 инжектор, салон не курящий, подогрев сидений, подогрев зеркал, противотуманные фары, кондиционер, эл. привод зеркал, 2 air-bag, стильная сенсорная JVC с CD-проигрывателем, омыватель фар, гидроусилитель руля, комплект зимней и летней резины в подарок, один хозяин. http://www.autosbox.ru/index.php/inomarka?task=show&id=4345 (accessed 11/30/10)	Продается Nissan Maxima 2005 года, цвет metallic, пробег хайвейный. Все опции, на коже, люк, CD, система Bose, <u>все сделано/прошла</u> все инспекции. Есть сигнализация, cruise control, alarm, противотуманные фары, небольшой пробег, в машине не курили. В наличии навигация, GPS. Один хозяин. Торг уместен! http://mall.rusrek.com/nissan_maxima_2000_gxe_rs-0689833-ru.html (accessed 1/29/11)

Несомненно, однако, что контакт с английским значительно более интенсивен в условиях эмиграции, и это дает о себе знать в том, какие части речи заимствуются. При взаимодействии языков, как правило, легче всего заимствуются существительные, а глаголы или функциональные элементы (предлоги, союзы) заимствуются только в случае более интенсивного языкового контакта (Thomason & Kaufman 1988; Myers-Scotton 1993, 2002). И действительно, русский язык в метрополии заимствует преимущественно существительные;⁵ из широко употребляемых глаголов в русском языке метрополии нам встретились слова *мониторить* и *копипейстить*. Между тем американский русский свободно заимствует и адаптирует глаголы самого разного рода, например:

(3) *Здесь надо аплять (< apply) поскорее.*

(4) *Я не энджояла (< enjoy) свой апартамент, до того что уже была готова игнориро-*

⁴ Wilde 1906: Ch. 1 (первая публикация 1887 г.).

⁵ Исключением являются сферы новых технологий, в частности, компьютерная технология, где заимствуются и глаголы.

вать (< **ignore**) рент-контроль.⁶

- (5) *За что можно так мисать (< **miss**) эту Вашу Калифорнию? Я вот не скучаю так за Харьковом.*
- (6) *На круизе будут больше энтертейнать (< **entertain**).*
- (7) *Все эти стоки рейзнули (< **raise**).⁷*
- (8) *Она с ним брейкапнула (< **break up**), и он тут же энгейджнулся (< **engage**), так что выходит, он ее все это время обманывал.*
- (9) *Уже энаунснули (< **announce**) новую программу?*
- (10) *Лучше лизовать (< **lease**), не надо сразу все платить, и иншуранс⁸ меньше.*
- (11) *Я уже чекнулся (< **check in**), а их все не было, мне пришлось ждать, и это всегда меня делает очень nervous.*
- (12) *Родители почти не юзают (< **use**) дишвошер.⁹*
- (13) *Ты должен побыстрее окешить (< **cash**) этот чек.*
- (14) *Вы рентуете (< **rent**) или купили?*

Внедрение глаголов в американский русский подчас приводит к интересным семантическим гибридам: если в русском есть похожий глагол (ср. (15) или глагол уже был заимствован ранее (как правило, через латынь), его исходное значение утрачивается и он приобретает значение, навязываемое английским употреблением. Ср. употребление *игнорировать* в примере (4) выше и следующие примеры:¹⁰

- (15) *Вот старинный отель, в котором мы стояли (**стоять**+ **stay**). Там останавливался также Тенниси Уильямс¹¹*
- (16) *Республиканцы спекулируют (=предполагают, < **speculate**), что реформа не пройдет.*
- (17) *Он совсем сконфузился (=запутался, < **get confused**).*

Интенсивный языковой контакт всегда чреват калькированием, и в американском русском много калек с английского, что было отмечено еще Бенсоном (Venson 1960). Вот лишь некоторые примеры: *брать выход (экзит), урок, курс, автобус, время; делать апойнтмент, резервацию; записать карандашом* (в значении 'договориться неокончательно'); *поступить в школу* (в значении 'в университет', т.к. по-английски 'университет' *school*) и т.д.

Мы уже упоминали выше, что американский русский смешивает разные диалектные варианты русского языка – явление, нередкое в языках в эмиграции (ср. то же самое в

⁶ Ограничения на повышение квартирной платы.

⁷ Правильным было бы заимствование непереходного глагола *rise*, но здесь применен переходный *raise*.

⁸ Страховка (от *insurance*).

⁹ Посудомоечная машина (от *dishwasher*).

¹⁰ Случаи семантической интерференции встречаются, конечно же, и за пределами глагольного словаря; ср. слово *сезон*, которое и в американском русском, и в русском в метрополии постепенно вытесняет *время года*.

¹¹ Ср. *стоять* в первом предложении и правильную форму *останавливаться* во втором.

истории американского английского, Algeo & Pyles 2004: Ch. 9). Помимо лексических форм, которые пока не систематизированы, следует отметить широкое распространение подчинительного *или* вместо нормативного *ли*; эта форма характерна для южных вариантов русского языка, однако в американском русском она встречается и у эмигрантов, приехавших из других диалектных ареалов. Например, из речи женщины, приехавшей из Москвы в возрасте 36 лет:

(18) *Я сомневаюсь, или это Вам будет интересно.*

Как мы увидим в следующем разделе, эмигранты второго поколения используют вместо *ли* форму *если*; вероятно, наличие *или* в первой позиции подчиненного предложения в речи, которую они слышат, подкрепляет эту форму.

Лексические изменения и смешение диалектных форм, конечно, наиболее заметны. Однако даже язык первого поколения эмигрантов претерпевает и более тонкие изменения; здесь мы остановимся на двух: изменения порядка слов и утрата нулевой прономинализации.

В письменной речи изменения порядка слов довольно незначительны (см. аналогичное наблюдение еще у Бенсона), и те незначительные изменения, которые можно заметить, легко отнести к поспешному переводу с английского, как, например, в следующем отрывке, в котором об английском влиянии говорит и пунктуация, и написание некоторых слов, и связывание в последнем предложении (*напишите свои/Ваши комментарии...*):

(19) *Если для вас компьютер – как наркотик: вы сидите весь день перед экраном, несмотря на мышечные боли в спине и шее, а также головные боли - эта программа для вас! ErgoReminder будет напоминать вам, что надо сделать перерыв каждые заданные промежутки времени, при этом она отключает клавиатуру и мышь на это время. Разомнитесь - посмотрите в окно или сделайте упражнения - иначе вы заработаете себе остеохондроз, мигрень и проблемы со зрением. Напишите ваши комментарии об этой программе!*
http://webideas.com/rusam/index_win.htm (accessed 12/2/2010)

В разговорном языке изменения порядка слов более заметны, и одним из характерных изменений является ослабление порядка «глагол – подлежащая именная группа» (VS) при введении нового партиципанта (часто в начале рассказа, ср. *Приходит мужик с большим чемоданом в женский коллектив*). При пересказе известной истории о мальчике, собаке и лягушке (Frog story: Mayer 1967; Berman & Slobin 1994), взрослые носители русского языка метрополии используют от 6% (Isurin & Ivanova-Sullivan 2008) до 9% VS (наши предварительные данные, 4 информанта), а носители американского русского – около 3.6% этой конструкции (наши данные, 6 информантов). Утрата гибкости порядка слов часто отмечается в исследованиях языковых контактов (ср. Thomason & Kaufman 1988; Seliger & Vago 1991), однако пока еще мало данных, позволяющих сравнить в этом отношении язык первого и второго поколения эмигрантов.

Неожиданное отличие русского языка эмигрантов от языка метрополии обнаруживается в сфере нулевой прономинализации. В русском языке допустимо (а в некоторых случаях и желательно) опущение кореферентного местоимения в позиции подлежащего при подчинении, например:

(20) *Я надеюсь, что (я) успею попасть на твой день рождения.*

(21) *Ты боишься, что (ты) не сможешь с этим справиться?*

(22) *Красная Шапочка была уверена, что (она) перехитрит злого волка.*

Мы провели предварительный эксперимент, в котором попросили носителей языка оценить предложения, подобные (20) – (22), по шкале от 1 до 7 (1: совершенно недопустимо, 7: полностью допустимо). Носители русского языка в метрополии отдают некоторое предпочтение примерам, в которых подчиненное предложение содержит нулевой прономинал (*pro*), а носители американского русского предпочитают предложения с выраженным местоимением. На первый взгляд можно счесть, что это влияние английского:¹² в аналогичных (20) – (22) предложениях английского языка нулевой прономинал невозможен, ср.

(23) *I hope that *(I) will make it to your birthday party.*

Однако это объяснение едва ли имеет под собой основание по двум причинам. Во-первых, далеко не все эмигранты первого поколения владеют английским до такой степени, что он может вызывать интерференцию в такой тонкой области грамматики. Большинство опрошенных в нашем эксперименте оценили свое владение английским как «слабое» или «среднее» (в этом одно из отличий нашего круга испытуемых от тех, кто описан в работе Isurin 2007). Во-вторых, русский язык, на котором говорят в Израиле, тоже имеет тенденцию избегать нулевой прономинализации, а между тем в иврите нулевая прономинализация в 1 и 2 лице практически обязательна (Boger 1989, Melnik 2007).

Сравнение оценок прономинализации в американском русском, израильском русском и русском языке метрополии показано на рис. 1.¹³

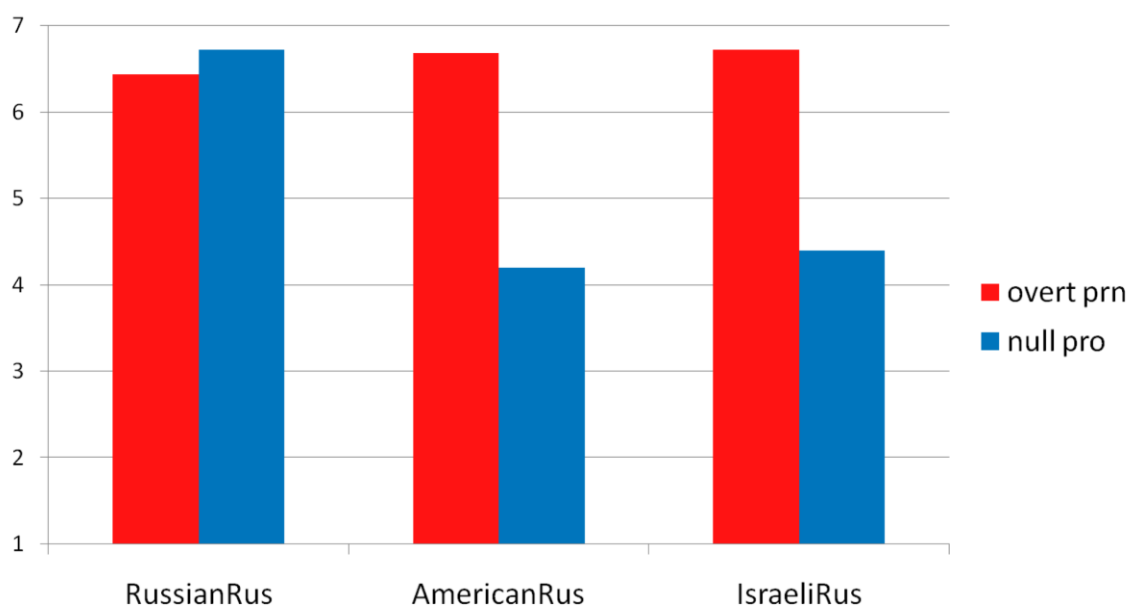

Рис. 1. Оценка ненулевой (*overt prn*) и нулевой (*null pro*) прономинализации при подчинении, по шкале 1 – 7, русский язык в метрополии, американский русский и израильский русский (20 человек в каждой группе, средний возраст 43 г.).

¹² О других примерах влияния английского на русский язык в эмиграции, см. Isurin 2007, где рассматривается особенно интересный случай – носители русского языка, которые не просто пользуются им, а преподают его иностранцам, а следовательно, особо заинтересованы в том, чтобы их русский язык сохранял первозаданную чистоту.

¹³ Аналогичные изменения, связанные с утратой нулевой прономинализации, наблюдаются и в итальянском и испанском языках в эмиграции (Sorace 2004, Sorace & Serratrice 2009), при том, что эти языки, в отличие от русского, имеют стандартную нулевую прономинализацию даже в матричных предложениях.

В чем причина того, что язык вне метрополии утрачивает способность к «умолчанию»? Полного ответа на этот вопрос пока нет, но Сораче и ее коллеги высказывают следующую гипотезу. Если язык находится вне своей «питательной среды», изменения прежде всего касаются его слабых звеньев, а такие звенья обычно находятся на стыке двух или более грамматических компонентов (interface). Нулевая прономинализация подчиняется одновременно синтаксическим правилам (нулевой прономинал может появляться только в определенных синтаксических позициях, в данном случае, в позиции подлежащего подчиненного предложения) и правилам актуального членения (денотат этого прономинала должен совпадать с денотатом ближайшей темы). Синтаксис и актуальное членение не состыкованы должным образом – либо потому, что правила их стыковки не закреплены в грамматике говорящего, либо потому, что на стыковку не хватает реального времени (так называемая проблема «процессинга»). При употреблении лексического местоимения требуется меньше усилий на установление его кореференции с предшествующей темой, и такая конструкция имеет шанс на выживание.¹⁴

Каким бы ни оказалось решение вопроса об асимметрии ненулевого и нулевого местоимения при контакте языков, факт этой асимметрии перед нами. Он интересен также и тем, что показывает, что даже первое поколение эмигрантов не защищено от структурных перемен: можно не знать язык своей новой страны, но родной язык вне исходной среды все равно подвержен серьезным изменениям. Вопреки распротраненному взгляду о том, что все изменения в языке эмигрантов заложены уже в языке метрополии (Гловинская 2001, 2004, Земская 2001), не все переменны переезжают границу – некоторые, по-видимому, связаны с универсальными принципами устройства языка. Мы не всегда знаем, каковы эти принципы, но важно, что изучение языка эмигрантов, языка в условиях контакта позволяет нам увидеть то, что может быть не заметным в языке, живущем на своей собственной почве (Benmamoun et al. 2010). И нигде так ни виден всеобщий архитектурный замысел языка, как в языке второго поколения эмигрантов – семейном (домашнем) языке, сохраняющем подчас лишь то необходимое, что нужно для существования языка как системы. К этому семейному языку мы и перейдем в следующем разделе.

Семейный русский язык: язык второго поколения эмигрантов

Начнем с уточнения: не все эмигранты второго поколения говорят на «особом» семейном русском, о котором пойдет здесь речь, однако сбалансированных билингов во втором поколении американских русских мало (Bermel & Kagan 2000; Polinsky 2000). Сохранение языка носителями второго поколения подкрепляется регулярными поездками в Россию и в целом коррелирует со временем, проведенным в русской школе (Kagan & Dillon 2010; см. аналогичные наблюдения относительно американского финского языка в Halmari 2005): ребенку, родившемуся и хоть сколько-то учившемуся в России, легче сохранить русский язык, чем ребенку, родившемуся в русскоязычной семье в Америке.

¹⁴ См. обсуждение в Benmamoun et al. 2010; Montrul & Polinsky 2011.

Как ни печален этот факт для тех, кто дорожит чистотой русского языка, большая часть русскоязычных эмигрантов второго поколения – это нестабильные билингвы, называемые в современной англоязычной литературе *heritage speakers* ‘носители первого языка как семейного, или домашнего’. Это люди, которые с детства были погружены в среду русского языка, может быть, даже начали говорить только на нем; во взрослом возрасте они по-прежнему понимают и, возможно, все еще немного говорят, по-русски, но им легче говорить на главном языке своей страны – американском английском.

Интересны цифры, показывающие, с кем такие носители языка говорят по-русски (Kagan & Dillon 2010): с родителями (85%), с бабушками и дедушками (95%), с чужими «взрослыми» (72%), и со сверстниками (12%). Последняя цифра – несомненный показатель утраты языка, сужения сферы его употребления, так как при малейшей возможности перейти на английский эмигранты второго поколения так и поступают.

Русский язык нестабильных билингвов второго поколения является объектом пристального внимания ряда исследователей (включая и автора этой статьи), и о нем уже довольно много известно (Andrews 1994, 1999, 2001; Isurin 2000; Isurin & Ivanova-Sullivan 2008; Bermel & Kagan 2000; Kagan & Dillon 2010; Laleko 2008, 2010; Pereltsvaig 2008; Polinsky 1997, 2000, 2006, 2008a,b, 2011; Smyslova 2009).

Такие носители русского языка слышат то, что говорят вокруг них, и в их речи еще сильнее развиваются те изменения, о которых шла речь в связи с эмигрантами первого поколения. Например, у русскоязычных американцев второго поколения ослаблена (или совсем отсутствует) не только нулевая прономинализация при подчинении (что уже есть и в американском русском), но и при сочинении, ср.

(24) *Мальчик удивился и он стал радостным, потому что черепаха жила*
(Isurin & Ivanova-Sullivan 2008)

(25) *Я встала к двух часам и я вчера почти то же самое время встала*

Выше уже отмечалось снижение употребления порядка слов VS в американском русском. В языке второго поколения этот порядок употребляется еще реже (по данным Isurin & Ivanova-Sullivan 2008, около 2% всех предложений в устных нарративных текстах), а кроме того, отмечается неадекватное использование этого порядка, ведущее к неадекватным вариантам актуального членения (например, рематизация подлежащего там, где его денотат давно введен и не требует статуса ремы).

Помимо развития тех характеристик, которые уже есть в американском русском, русский язык второго поколения имеет ряд необычных грамматических черт, которые отдаляют его от русского языка в чистом виде и одновременно сближают с другими эмигрантскими языками второго поколения. В число этих черт входит сокращение и нивелирование системы падежей (Polinsky 2000, 2006), ослабление видовых ограничений (Pereltsvaig 2008, Polinsky 2006, 2008a, Laleko 2008, 2010), ослабление и реорганизация подчиненных связей, использование *если* вместо *ли* при подчинении, ср.¹⁵

(26) *Зачем ты спрашиваешь, если ты завтра будешь к нам приходить?*

Последний пример, в котором неверно, с точки зрения русского языка, употреблено аналитическое будущее (*будешь приходить*), указывает на еще одну черту языка второго поколения: общее усиление аналитизма, которое в свою очередь связано с сильными

¹⁵ Как мы уже отмечали, это использование *если* связано с интерференцией английского (оно встречается и в речи американцев, изучающих русский язык), однако оно дополнительно подкрепляется употреблением союзного *или* в речи первого поколения.

изменениями в морфологии. Принято считать, что носителям русского языка второго поколения трудно говорить, так как у них нет автоматизма во владении морфологией, а на их понимании это не отражается – отсюда распространенное мнение, что такие носители плохо говорят, но все понимают. К сожалению, эта точка зрения не подтверждается конкретными исследованиями. Иллюзия понимания возникает потому, что до недавнего времени такие носители наблюдались либо в домашней обстановке, либо в рамках урока – и в том, и в другом случае контекст строго задан, и ошибиться в чем-то трудно. Выясняется, что при отсутствии привычного контекста уходит и привычное понимание (тогда как компетентный носитель языка не теряет понимания и при многозначности). Например, в исследовании Секериной и Пугач (Sekerina & Pugach 2005) взрослым испытуемым показывали предметы, изображенные на рис. 2, и давались следующие задания:

(27) Положите лошадку на тарелку и в коробку

(28) Положите лошадку на тарелке в коробку

Контрольная группа (русскоязычные испытуемые в метрополии) легко справлялась с заданием, в то время как русскоязычные эмигранты второго поколения испытывали серьезные трудности и путали лошадку на тарелке с лошадкой, которую надо было положить на тарелку. Объяснение этому в том, что они не обращают внимания на слабые, еле уловимые морфологические различия между (27) и (28) (безударные окончания *на тарелке* – *на тарелку*, присутствие – отсутствие союза *и*), что и ведет к непониманию.

Рис. 2. Многозначный контекст, использованный в эксперименте на понимание (Sekerina & Pugach 2005)

Контрольная группа (русскоязычные испытуемые в метрополии) легко справлялась с заданием, в то время как русскоязычные эмигранты второго поколения испытывали серьезные трудности и путали лошадку на тарелке с лошадкой, которую надо было положить на тарелку. Объяснение этому в том, что они не обращают внимания на слабые, еле уловимые морфологические различия между (27) и (28) (безударные окончания *на тарелке* – *на тарелку*, присутствие – отсутствие союза *и*), что и ведет к непониманию.

Аналогичным образом взрослые носители русского языка второго поколения эмигрантов испытывают серьезные трудности в различении относительных придаточных (Polinsky 2011). Главная тенденция, которая при этом наблюдается, состоит в интерпретации придаточных с вынесением дополнения (30) как релятивизирующих подлежащее (29).

(29) Где мальчик, [который ~~мальчик~~ рисует девочку]?
(вынесение подлежащего, Subject relative)

(30) Где мальчик, [которого ~~мальчик~~ рисует девочка]?
(вынесение дополнения, Object relative)

Со статистически значимой частотой эмигранты второго поколения интерпретируют предложения, подобные (30), как вынесение подлежащего, т.е. соотносили (30) с рис. 3, а не с рис. 4.

Рис. 3. См. предложение (29)

Рис. 4. См. предложение (30)

Причина такой ошибки в том, что при отсутствии морфологических показателей (которые этим носителям языка трудны или недоступны) в силу вступает универсальный принцип интерпретации: относительное предложение описывает подлежащее (Keenan & Comrie 1977, Schwartz 2007, Polinsky et al 2011). Точно так же носитель русского языка в метрополии будет склонен интерпретировать относительное придаточное с многозначной морфологией, как, например,

(31) Где автобус, который везет на буксире грузовик?
(автобус является везущей силой)

Итак, носители русского языка во втором поколении испытывают трудности как и при порождении речи, так и при понимании и, конечно, весьма далеки от своих ровесников, выросших и учившихся в метрополии. Однако для них далеко не все потеряно: все больше и больше студентов американских вузов, выросших в русских семьях, высказы-

вают желание изучать русский язык и улучшать свои навыки (Kagan & Dillon 2010; Carreira & Kagan in press). Желание говорить по-русски объясняется рядом причин: многие хотят использовать последнюю возможность общаться со своими бабушками и дедушками, теми самыми «сеньорами», о которых шла речь выше; иные мечтают поехать в Россию, встретиться с родственниками, живущими там, и лучше понять культуру, историю и язык метрополии. Несомненно, падение железного занавеса и более открытый мир, являющийся студентам нынешнего поколения, играют в этом желании большую роль; как говорят многие студенты, зачем же ехать в Индию, когда можно поехать в страну, где у тебя уже есть какие-то корни? И наконец, некоторые из эмигрантов второго поколения надеются использовать свои знания русского языка в будущей работе.

Прямым следствием интереса эмигрантов второго поколения к своему семейному языку является то, что все большее число таких эмигрантов записывается на курсы русского языка в университетах, и в результате все большее число университетов создает курсы русского языка для русских. Уже появился учебник для таких студентов (Kagan et al. 2003), и их присутствие на занятиях вынуждает педагогов коренным образом менять привычные приемы преподавания русского языка как иностранного (см. обзор новых педагогических задач, поднимаемых таким преподаванием, в Geisherik 2008).

Сами студенты хорошо понимают, что им необходимо расширить владение разными стилями русского языка, и стремятся улучшить свое умение писать и читать по-русски. Ниже мы приведем несколько примеров текстов, написанных студентами начального курса «Русский для русских» в Университете Брендайс (Brandeis) недалеко от Бостона (тексты из курса И.Е. Дубининой). Студенты должны были каждую неделю писать о чем угодно в блоге по 3-4 предложения. При этом им нельзя было пользоваться никакими компьютерными спелчекерами.

Примеры (32) и (33) из блога девушки, приехавшей в США в 8 лет; она жила с приемными родителями, сама научилась читать и писать по азбуке, затем пришла на курс «Русский для русских», где впервые попала в ситуацию изучения языка в академической обстановке:

(32) *Я хочу слышать любэ, я уже их давно не слышала! Я моем брата отдала все мое музыку. Я сейчас скучаюсь за его. Скора я его буду видеть. Я хочу что бы экзамены закончились что бы я могу мою семью видеть!*

(33) *Я имел много работо также не делал достаточно. Дома есть нога дистракци патамошта мой собака. Шас Я должен нога делат што со закончат. Се профецеры далу оцчен чога работа.*

Пример (34) взят из блога студента, приехавшего в США в 1 год; он научился читать и писать по-русски в университете:

(34) *Раз я долго не добавлял к блогу, я буду сейчас в форме сказке. Довно назат, в африке был алигатар. Он был старьи и болнои. Он жыл сам свбои под болшим дубом. Один ден в енваре, он решил то что ему надаела быт варике. Алигатар решил то что имк важно увидит другие континенти. Он сабрал все сваи вещи ну не знал как он будит потушествовать. Он решил построет лодку потому что он боялса висату. Он сабрал драва и гвозди и начел молотком роботат. Ну алигатар лубыл быт вхорошах условиях. По этому он начел строит и вану, и бану, и гамак, и всякие другие вещи.*

Нетрудно заметить, как много ошибок в этих блогах, нетрудно также заметить сходство с тем, как пишут по-русски маленькие дети, еще не начавшие ходить в школу, и нетрудно впасть от всего этого в глубокий пессимизм. Наверное, неудивительно, что

стремление замечать ошибки в произведениях эмигрантов второго поколения очень сильно: ведь от них ждут, что они будут похожи на своих сверстников в метрополии, и это ожидание, вызванное сознанием того, что они многое могут сказать и, как кажется, многое понимают, окрашивает восприятие их языка. При таких ожиданиях нетрудно предаться тоске об утрате языка. Но стоит подумать и о том, как мало было дано этим людям: они не ходили в русскую школу, они не смотрели с утра до ночи русское телевидение, не ходили в русский интернет и лишь 12 процентов времени говорили по-русски со своими сверстниками... И если посмотреть на них с иной точки зрения: как прочен язык даже тогда, когда ему не хватает питательной среды, – то оказывается, что есть причины и для оптимизма. Этого оптимизма только прибывает, если посмотреть на то, насколько существенно продвигаются студенты в курсах русского языка для русских. Сравните приведенные выше тексты с сочинением студента более продвинутого уровня; как и другие, он вырос в США, по-русски он говорил дома с бабушкой и дедушкой, а в университете прошел несколько уровней языковой программы.

- (35) *Я соглашусь с тем фактом что средний русский человек будет знать больше стихов наизусть чем тот же американец. Я даже смирюсь с предположением что русский может читать больше литературы чем американец, но я как гордый патриот, не готов уступить и полностью принять что у русских ближе отношения к поэзии чем у нас. КПСС считала что поэзию обязательно читать всем. Почему? потому что она легче за-поминается чем проза и потому что она более соответствует целям пропаганды.*

Мои бабушки и дедушки тоже легко цитируют те стихи которые мы читаем, но не с особенной любовью к словам, а с простой гордостью что всё так помнят как будто готовы что бы кто то им пятёрку вручил. Я лично, в школе тоже некоторые стихи запоминал; конечно не в таком количестве как в Советском Союзе, но мы стихи тоже наизусть учили... Например, я никогда не забуду Роберта фроста "золотое таким не остаётся." И ещё ежегодно, начиная с седьмого класса, мы в классе читали хотя-бы одно произведения Шекспира. И если он не великий поэт, тогда я даже не хочу знать поэзию.

Путь от языка, примеры которого показаны в (32)-(34), и языка, представленного в (35), нельзя пройти во сне, не прилагая никаких усилий, но то, что эмигрантов второго поколения можно максимально приблизить к уровню их сверстников в метрополии, видно из сравнения наших примеров. Эмигранту второго поколения гораздо легче достигнуть более высокого уровня, чем человеку, изучающему русский язык как иностранный. Понимание того, как достичь этого уровня, должно опираться на понимание структурных и социальных характеристик языка в эмиграции, и мы надеемся, что эта работа поможет нам хоть чуть ближе подойти к такому пониманию. Не стоит постоянно сравнивать русский язык метрополии с русским языком эмиграции; лучше разобраться в особенностях последнего и оценить их, пользуясь выражением Соссюра, как вещи в себе (*la langue envisagée en elle-même*).

Подведем итоги. На русском языке в США говорят достаточно многочисленные эмигранты, приехавшие в страну в 1970 – 1990 гг. Несомненно, русская эмиграция в США неоднородна, и ее надо описывать с вниманием к месту проживания, региону в России, откуда приехал эмигрант, социальному и культурному положению этого эмигранта в американском обществе, степени его интеграции и другим факторам. Однако на всю эту пеструю картину накладывается крупномасштабное деление на две категории, которому и была посвящена эта статья. Это деление на язык эмигрантов первого и второго (или если угодно, 1,5 и 2) поколения. Язык первого поколения – людей, покинувших Россию уже взрослыми, – отличается от языка метрополии не только лексически,

но и по некоторым грамматическим показателям (порядок слов, прономинализация). Язык второго поколения претерпевает существенно более серьезные изменения, подчас делающими его до неузнаваемости отличным от русского языка метрополии, что, конечно, не может не завораживать лингвиста. Однако носители этого языка все чаще выказывают интерес к изучению русского, и их опыт показывает, что из них получаются прекрасные ученики. Таким ученикам нужны все новые и новые возможности для возрождения их домашнего языка.

Литература

- Гловинская, М.Я.: 2001, 'Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции', *Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты*, Москва – Вена: Wiener slavistischer Almanach, 341–492.
- Гловинская, М.Я.: 2004, *Общие типы изменений в языке первого поколения эмиграции (=Slavica Helsingiensia 24)*, 13–20.
- Головкин Е.В. (в печати), 'После русской Америки: следы русского культурного и языкового влияния на Аляске сегодня', *Известия РАН. Серия литературы и языка*.
- Земская, Е.А. (ред.): 2001, *Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты*, Москва – Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах (=Wiener slavistischer Almanach, Sonderband 53).
- Касаткин, Л.Л.: 1998а, 'Различия в проявлении одной южнорусской диалектной черты в устной и письменной речи', *Russian Linguistics*, 22, 59–69.
- Касаткин, Л.Л.: 1998б, 'Происхождение неразличения и мены свистящих и шипящих согласных в говоре русских старообрядцев, живущих в США в штате Орегон', *Филология: Международный сборник научных трудов (К 70-летию А.Б.Пеньковского)*. Владимир: ВГПУ, 72–88.
- Касаткин, Л.Л.: 1999, 'Неразличение и мена свистящих и шипящих согласных в говоре русских старообрядцев, живущих в США в штате Орегон, и в языке их предков', Касаткин, Л.Л. (ред.), *Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка*, Москва: Наука – Языки русской культуры, 328–361.
- Касаткина, Р.Ф. & Касаткин, Л.Л.: 1997, 'Неразличение свистящих и шипящих согласных в языке русских старообрядцев, живущих в США в штате Орегон', *Kalbotyra* 46, 2.
- Касаткин, Л.Л. & Касаткина, Р.Ф.: 2000, 'Некоторые текстовые коннекторы в региональных и социальных разновидностях русского языка (а, но, ну)', Крысин, Л.П. (ред.), *Русский язык сегодня. Вып. 1. Сб. статей / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова, отв. ред. Л.П. Крысин*, Москва: Азбуковник, 157–169.
- Касаткин, Л.Л.; Касаткина, Р.Ф. & Никитина, С.Е.: 2000, 'Русский язык орегонских старообрядцев: языковые портреты', *Речевое общение в условиях языковой неоднородности*, отв. ред. Л.П. Крысин, Москва: УРСС, 145–164.
- Касаткина, Р.Ф. & Касаткин, Л.Л.: 2003, 'Опыт стратиграфического анализа лексики одного переселенческого говора', *Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы: Материалы международной научной конференции (Москва, 8–10 июня 2002 г.)*, отв. ред. А.М. Молдован и В.Н. Белоусов, сост. Н.К. Ониненко, Москва: ИРЯ РАН, 365–368.
- Кибрик, А.А.: 1998, 'Некоторые фонетические и грамматические особенности русского диалекта деревни Нинилчик (Аляска)', *Язык. Африка. Фульбе. Сборник научных статей в честь А.И. Коваль*, под ред. В.Ф. Выдрин и А.А. Кибрика, Санкт-Петербург – Москва: Европейский дом, 36–52.
- Кононова, М.: 2005, 'Русская старообрядческая диаспора в странах дальнего зарубежья:

- генезис, формирование и современное положение', *Самарское староверие*, [электронный ресурс], <http://www.samstar.ru/article/591/>.
- Кронгауз, М.А.: 2008, *Русский язык на грани нервного срыва*, Москва: Знак: Яз. славянских культур.
- Кюльмоя, И. (ред.): 2000, *Русские староверы за рубежом. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. IV*, Тарту: Издательство Тартуского университета.
- Левонтина, И.Б.: 2010, *Русский со словарем*, Москва: Азбуковник.
- Никитина, С.Е.: 2001, 'Русские конфессиональные группы в США: лингвокультурная проблематика', *Русский язык зарубежья*, отв. ред. Е.В. Красильникова, Москва: Эдиториал УРСС, 69–118.
- Пфандль, Х.: 1994, 'Русскоязычный эмигрант третьей и четвертой волны', *Русский язык за рубежом*, 5-6, 101–108.
- Algeo, J. & Pyles, T.: 2004, *The origins and development of the English language*, Boston: Wadsworth.
- Andrews, D.: 1993a, 'American-Immigrant Russian: Socio-Cultural Perspectives on Borrowings from English in the Language of the Third Wave', *Language Quarterly*, 31, 153–176.
- Andrews, D.: 1993b, 'American Intonational Interference in Emigre Russian: A Comparative Analysis of Elicited Speech Samples', *Slavic and East European Journal*, 37, 2, 162–177.
- Andrews, D.: 1994, 'The Russian Color Categories Sinij and Goluboj: An Experimental Analysis of Their Interpretation in the Standard and Emigre Languages', *Journal of Slavic Linguistics*, 2, 9–28.
- Andrews, D.: 1999, *Sociocultural perspectives on language change in diaspora*, Amsterdam: John Benjamins.
- Andrews, D.: 2006, 'The Role of Emigre Russian in Redefining the "Standard"', *Journal of Slavic Linguistics*, 14, 169–189.
- Benmamoun, A.; Montrul, S. & Polinsky, M.: 2010, White paper: Prolegomena to heritage linguistics, Harvard University, <http://www.fas.harvard.edu/~herpro/home.htm> (accessed 12/29/2010).
- Benson, M.: 1960, 'American Russian', *American Speech*, 35, 163–174.
- Berman, R. & Slobin, D.I.: 1994, *Relating events in narrative: A crosslinguistic developmental study*, Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum.
- Bermel, N. & Kagan, O.: 2000, 'The maintenance of written Russian in heritage speakers', Kagan, O.; Rifkin, B. (eds.), *The learning and teaching of Slavic languages and cultures*, Bloomington: Slavica, 415–437.
- Biggins, M.E.: 1985, *A South Russian dialect in Oregon: The 'Turkish' Old Believers*, Ph.D. dissertation, University of Kansas.
- Borer, H.: 1989, 'Anaphoric AGR', Jaeggli, O.; Safir, K. (eds.), *The null subject parameter*, Dordrecht: Kluwer, 69–109.
- Carreira, M. & Kagan, O.: in press, 'The results of the National Heritage Language Survey: Implications for teaching, curriculum design, and professional development', *Foreign Language Annals*.

- Friedberg, N.: 2008, *Religious language as everyday life: Genre and register in the speech of Russian Pentecostal heritage speakers*, Paper presented at the Second Annual Heritage Language Institute, Harvard University, June 2008, <http://nhlrc.ucla.edu/2008summer/presentations.asp> (accessed 1/31/11).
- Geisherik, A.: 2008, *Aspects of teaching literacy to heritage learners of Russian: Linguistic and methodological aspects of accommodating heritage speakers in Russian language-courses at the university level*, Bochum: VDM Verlag.
- Golovko, E.: 2010a, *143 Years after Russian America: the Russian language without Russians*, Paper read at the 2010 Conference on Russian America, Sitka, Alaska, August 17-22, 2010.
- Golovko, E.: 2010b, *The Russian Language in Alaska (based on 2008 and 2009 fieldwork)*, доклад (на англ. яз.) на заседании Круглого стола «Евролингвистика во внутриевропейской и глобальной перспективе», в рамках Международной конференции «Язык и общество в современной России и в других странах», Москва, 20-26 июня 2010 г.
- Halmari, H.: 2005, '“I'm forgetting both”: L1 maintenance and codeswitching in Finnish-English language contact', *International Journal of Bilingualism*, 9, 397–433.
- Holdeman, J.: 2002, *Language Maintenance and Shift Among the Russian Old Believers of Erie, Pennsylvania*, Ph.D. dissertation, Ohio State University.
- Isurin, L.: 2000, 'Deserted Island or a Child's First Language Forgetting', *Bilingualism: Language and Cognition*, 3, 151–166.
- Isurin, L.: 2007, 'Teachers' Language: L1 Attrition in Russian-English Bilinguals', *The Modern Language Journal*, 91, 357–371.
- Isurin, L. & Ivanova-Sullivan, T.: 2008, 'Lost in Between: The Case of Russian Heritage Speakers', *Heritage Language Journal*, 6, 1, 72–104.
- Kagan, O.; Akishina, T.; Robin, R.: 2003, *Russian for Russians: Textbook for Heritage Speakers*, Bloomington, IN: Slavica.
- Kagan, O. & Dillon, K.: 2010, 'Russian in the United States', Potowski, K. (ed.), *Language diversity in the United States*, Cambridge: CUP, 179-194.
- Keenan, E.L. & Comrie, B.: 1977, 'Noun phrase accessibility and universal grammar', *Linguistic Inquiry*, 8, 63–99.
- Laleko, O.: 2008, 'Compositional telicity and Heritage Russian aspect', Grosvald, M.; Soares, D. (eds.), *Proceedings of the Thirty-Eighth Western Conference on Linguistics (WECOL)*, vol. 19, 150–160.
- Laleko, O.: 2010, *The syntax-pragmatics interface in language loss: Covert restructuring of aspect in Heritage Russian*, Ph.D. Dissertation, University of Minnesota.
- Mayer, M.: 1967, *A boy, a dog, and a frog*, New York: Dial Books.
- Melnik, N.: 2007, 'Extending partial pro-drop in Modern Hebrew: A comprehensive analysis', *Proceedings of HPSG07 Conference*, csli-publications.stanford.edu/HPSG/8/melnik.pdf (accessed 1/19/11).
- Montrul, S. & Polinsky, M.: 2011, 'Why not heritage speakers?', *Linguistic Approaches to Bilingualism*, 1, 87–92.
- Morris, R.A.: 1992, *Old Russian ways: Cultural Variations among three Russian Groups in Oregon*, New York: AMS Press.
- Myers-Scotton, C.: 1993, *Duelling Languages: Grammatical Structure in Codeswitching*, Oxford: Clarendon Press.
- Myers-Scotton, C.: 2002, *Contact Linguistics: Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes*, Oxford: Oxford University Press.
- Pereltsvaig, A.: 2008, 'Aspect in Russian as Grammatical Rather than Lexical Notion: Evidence from Heritage Russian', *Russian Linguistics*, 32, 27–42.
- Polinsky, N.: 1997, 'American Russian: Language loss meets language acquisition', Browne,

- W. et al. (eds.), *Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics*, Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 370–406.
- Polinsky, M.: 2000, ‘A composite linguistic profile of a speaker of Russian in the U.S.’, Kagan, O.; Rifkin, B. (eds.), *The learning and teaching of Slavic languages and cultures*, Bloomington: Slavica, 437–469.
- Polinsky, M.: 2006, ‘American Russian’, *Journal of Slavic Linguistics*, 14, 191–287.
- Polinsky, M.: 2008a, ‘Without aspect’, Corbett, G. & Noonan, M. (eds.), *Case and grammatical relations*, Amsterdam: John Benjamins, 263–282.
- Polinsky, M.: 2008b, ‘Heritage language narratives’, Brinton, D.; Kagan, O.; Bauckus, S. (eds.), *Heritage language education: A new field emerging*, New York: Routledge, 149–164.
- Polinsky, M.: 2011, ‘Reanalysis in adult heritage language’, *Studies in Second Language Acquisition*, 45.
- Polinsky, M.; Kravtchenko, E. & Gomez Gallo, C.: 2011, ‘Subject preference and ergativity’, *Lingua*.
- Potowski, K.: 2010, ‘Language diversity in the United States: dispelling common myths and appreciating advantages’, Potowski, K. (ed.), *Language diversity in the United States*, Cambridge: CUP, 1–24.
- Schwartz, F.: 2007, ‘Processing presupposed content’, *Journal of Semantics*, 24, 373–416.
- Sekerina, I.A. & Pugach, Y.: 2005, ‘Cross-linguistic variation in gender use as a parsing constraint: Dutch vs. Russian’, Franks, S.; Gladney, F.Y.; Tasseva-Kurktchieva, M. (eds.), *The Proceedings of the 13th Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics. The South Carolina Meeting 2004*, Michigan Slavic Publications, 312–323.
- Seliger, H. & Vago, R.: 1991, *First language attrition*, Cambridge: CUP.
- Smyslova, A.: 2009, *Developing four-skill literacy among adult heritage learners: Effects of linguistic and non-linguistic variables on the attainment of low-proficiency heritage students of Russian within a dedicated college-level bridge course*, Ph.D. Dissertation, Bryn Mawr.
- Sorace, A.: 2004, ‘Native language attrition and developmental instability at the syntax-discourse interface: Data, interpretations, and methods’, *Bilingualism: Language and Cognition*, 7, 143–145.
- Sorace, A. & Serratrice, L.: 2009, ‘Internal and external interfaces in bilingual language development: Beyond structural overlap’, *International Journal of Bilingualism*, 13, 195–210.
- Thomason, S. & Kaufman, T.: 1988, *Language contact, creolization, and genetic linguistics*, Berkeley: University of California Press.
- Whittaker, R.: 2006, ‘The Tolstoy Foundation: Library and Archives’, Shmelev, A. (ed.), *Tracking a diaspora: Émigrés from Russia and Eastern Europe in the repositories*, New York – London: The Haworth Information Press.
- Wilde, O.: 1906, *The Canterville ghost: An amusing chronicle of the tribulations of the ghost of Canterville Chase when his ancestral halls became the home of the American minister to the court of St. James*, Boston: J.W. Luce and Co.